

И вдруг — все опостытело.

«Наши дни в Москве проходят в напряжении — ничего не упустить, все схватить, все попробовать, — скажет он потом в своем последнем интервью болгарскому журналисту Спасу Попову. — А вечером, когда задумаешься, что произошло за день, оказывается — ничего. Жизнь ушла дальше. Еще день прошел мимо тебя».

В многомиллионном городе всякому, с кем перебрываешься телефонными звонками, с кем сталкиваешься в коридорах учреждений, к кому притиснут в очередях, в автобусах, в метро, нельзя быть не только приятелем, но даже мало-мальски знакомым. Но держаться чопорно, буквой с людьми, которые выказывают тебе свое расположение или уверены, что только ты можешь их понять и оценить, или просто дышат тебе в ухо, тоже вроде

**Александр
БРАГИН**

И тут память ему подсунула адрес: харовские леса, деревня Тимониха.

Пожалуй, выбор был сделан случайно — а почему бы и не к тезке, он меня к себе зазывал. Только не верится, чтобы случайно. Они уже считались друзьями. «Есть у меня друг, писатель, великолепный писатель» — это сказано Шукшиным о Белове за два года до поездки.

Когда дела приводили Белова в Москву, он нередко останавливался у Шукшиных. Читал написанное. Советовался, как было, например, с «Зорями».

«Он задумал сценарий кинокомедии, — писал Шукшин в 1967 году. — Почти уж написал. Прочитал мне. Он — писатель, он не мог, чтобы «камера выхватывала лица», но он достаточно опытен, чтобы почувствовать разницу между сценарием и повестью и не написать повесть, что он прекрасно умеет. Это — сценарий. И какой! У нас такой комедии еще не было, смело могу это заявить. И смешно, и грустно, и думать

меет так написать ее дочери, что та поймет наконец, что... О, сколько веры она принесла с собой, та хлопотливая старушка! Да и горе ведь принесла — отбилась дочка от дома, совсем отбилась. Я сперва подумал, что это какая-нибудь двоюродная тетя Белова, а та самая дочка, которую поглотил город, стало быть, двоюродная его сестрица — отсюда такая свояская доверчивость. Оказалось, нет — чужая. А вот — принесла. Видно, тут и ответ на вопрос, откуда у писателя запас добрых сил? От людей же... И людям же и отдается».

Не эта ли сцена, глубоко запавшая в душу, дала Шукшину первоначальные токи для создания в киноповести «Калина красная» образа матери Егора Прокудина? Егора, которого тоже «поглотил город» и который также «совсем отбилась» от дома. Не великая ли вера старушки в писательское слово натолкнула на мысль: а не обратиться ли ему сразу ко всем отбившимся от дома взрослым детям, чтобы те поняли наконец?.. Если же его слово на по-

ратурная и художественная — порой раздражает и тоску изгоняет, особенно когда представляешь, что ты по собственной воле и собственными немалыми трудами заключен в нее пожизненно. Но и без нее... — пропадаешь.

Когда на экраны вышел фильм «Ваш сын и брат», случился у Шукшина разговор о деревне с молодыми учеными города Обнинска.

«Поступила записка. Спросили: «А сами Вы хотели бы сейчас пройти за плугом?» Тут я сбился. ...На меня смотрели весело и понимающе. Я заявил: «Если бы там была киностудия, я бы опять ушел в деревню». Это было совсем глупо».

Он оправдывался, хотя не считал себя ни в чем виноватым: «Так у меня вышло к сорока годам, что я — ни городской, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение».

На обсуждении фильма в Союзе кинематографистов СССР Василий Макарович поправился: «Я люблю деревню, но считаю, что можно уйти из деревни. И Ломоносов ушел из деревни, и русский народ от этого не потерял...»

Осенью 1969 года в Тимонихе Шукшин впервые всерьез задумался: благотворен ли для него тот образ жизни, который он ведет? Писательство — не

сая вернулся (я удивился: как скоро!) с рукописью повести «Привычное дело». Читал я — и слов у меня не было: то слезы наворачивались на глаза, то смех облегал душу, то горькая боль саднила сердце, то все мое существо поднималось в ветровое российское небо. Стало сразу ясно: «Привычное дело» — корневая вещь, у нее долгая жизнь».

Даже если учесть, что некоторые эпизоды повести были написаны ранее как самостоятельные небольшие новеллы и вошли в «Привычное дело» почти без изменений, и то срок в один месяц кажется невероятным. Других объяснений этому, кроме дарования родины Белову невиданной духовной силы, нет...

Гостевание у Шолохова в Вешенской окончательно рассеяло все сомнения Шукшина.

«Для меня Шолохов — олицетворение летописца. Знакомство мое с посредственными писателями много способствовало упрощению моих представлений о Шолохове. От этих писателей я научился жить суетой. Шолохов вывернул меня наизнанку. Шолохов мне внушил — не словами, а присутствием своим в Вешенской и в литературе, — что нельзя гордиться, гоняться за рекордами в искусстве, что нужно искать тишину и спокойствие, где можно осмыслить глубоко народную судьбу. Ежедневная суета поглотить и отразить в творчестве все второстепенное опутала меня. А он предстал передо мной реальным, земным светом правды. Я лишний раз убедился, что занимаюсь не своим делом. Сейчас я должен подумать о коренном переустройстве своей жизни. Наверное, придется с чем-то распрощаться — либо с кино, либо с театром, либо с актерством. А может быть, и с московской пропиской... Суета! Хлебнуть всего понемногу — вот что мной руководило. Это многих губит».

И далее в беседе с болгарским журналистом Спасом Поповым Шукшин говорит: «Писатель в конце концов остается главным для меня. Бросить писать я не могу. Положение мое меня пугает. Особенно после встречи с Шолоховым. Заразил он меня своим образом жизни (разрядка моя. — А. Б.)... Главное в жизни — спокойно мыслить и действовать. Это не мое открытие, это мысль древних...»

В Вологде живет писатель Василий Белов. У него не бывает ни одного дня без богатого писательского улова. А я прожигаю свое время в столице. Нет, этого больше не будет! Белов мудро сидит в Вологде и смеется над нами. Шолохову в Вешенской мы видны как на ладони».

С хутора Мелоголовского, где снимается фильм «Они сражались за Родину», Шукшин отправляет матери письмо: «Здравствуй, родная моя! Сам измучился и вас измучил своими обещаниями приехать. Все никак не могу вырваться...»

Сам соскучился, сил нет.

Мама, одна просьба: пока меня нет, не придумывайте ничего с домом, т. е. не продавайте... У меня в мыслях-то в дальнейшем — больше дома жить, а дом мне этот нравится. Вот после этой большой картины подумаю: с кино связываться пореже, совсем редко, а лучше писать и жить дома... Тянуть эти три года уже как-то не под силу становится. И вот мечтаю жить и работать с удовольствием на своей родине».

Дом, где в 1976 году открылся Музей В. М. Шукшина и о котором идет речь в письме, — добротный крестьянский дом, крытый цинковым железом, с летней кухней, банькой и огородом, — был куплен Василием Макаровичем в 1965 году для матери на гонорар за роман «Любавины».

Так и не удалось Шукшину пожить и поработать с удовольствием на своей родине.

ТЕЗКИ

Василий Шукшин

и Василий Белов

при встречах

и на расстоянии

неудобно. Не по-людски. Не оправдываешь звания. Стоят потупившись и телеграфные столбы. А ты — человек. Ну и... проявляй себя в соответствии. Вот и вяжешь из глаголов и междометий разговор. И не вязать стыдно, и вязать кое-как стыдно. С какой стороны ни глянь — кругом виноват. Ведь честный человек, по неписаным законам, уж коли с кем разговаривает, то искренне и доверительно, ты это прекрасно знаешь. Так в чем дело? Следуй порядочным согражданином? Господи, рад бы? Увы... Если каждый день с доброй сотней людей быть искренним и доверительным — а именно с доброй сотней тебя при твоей профессии сталкивает город-исполиин, — то чего доброго можно и в болтуна превратиться.

Люди тянулись к нему. Чем более узнавали его по книгам и фильмам, тем сильнее тянулись. Их привлекали его неприглаженность, его стремление говорить обо всем всерьез и по-государственному, его потребность говорить о государственном как о личном, как о семейном, его неумение думать иначе. Поэтому можно ли их винить в том, что они хотели личного общения с Василием Макаровичем? Да не награда ли это?! Не он ли повторял: «Не верю, чтоб художник сознательно задавался целью быть непонятым. Для кого-то да он работает». Его приглашают, просят быть. Он посещает десятки вечеров, выставок, домашних чаепитий. Его мнение, шутка, комплимент тотчас берутся на вооружение. Но этого мало! От него постоянно ждут открытий. По любому поводу его обязуют излить душу, распахнуться, не стесняться.

Дома, в своей квартире, в привычной обстановке почему-то стало тяжело, одиноко. Ну прямо хоть жалея себя... Уехать? Куда? Куда-нибудь. Отсидеться, одуматься.

охота. Но представил я, как будет он мыкаться с ней, искать режиссера, а он не умеет, да у режиссера часто — «свое на уме», а и найдется какой — не так поймет, скажет: вот тут изменить бы... И посоветовал я ему: пиши как повесть. Появится в журнале, прочитают — может, захотят поставить. Тогда напишешь сценарий. Или продашь право на экранизацию. А так — куда с ней? «Искусство кино»... Не беспределен и этот журнал: и потом, как правило, там идут сценарии, которые как-то уже нащупали свою производственную судьбу. По-моему, он согласился — так вернее».

...В поезде Шукшин помягчел. Поуспокоился. Вполголоса обсуждал с Заболоцким последние киношные новости.

Он не предполагал тогда, как много будет значить для него это путешествие. Не предвидел, что так вот, с нежданной поездки на родину друга начнется вершинный этап в его жизни и творчестве. Не мог знать, что перед смертью вспомнит харовскую деревушку с благоговением.

Оказывается, не только изба околдовала Шукшина, когда он впервые гостил в Тимонихе.

В то время у Белова в издательстве «Молодая гвардия» лежала рукопись книги «Сельские повести». Василий Макарович загорелся идеей написать к ней предисловие. И в 1970 году написал его. В предисловии он высказал свои впечатления от поездки:

«Как-то гостил я у Белова в родной его деревне Тимонихе. И стал невольным свидетелем одной сцены. Пришла старушка с бумажкой, на которой записан адрес дочери... Пришла, чтоб писатель написал письмо ее дочери и выговорил бы ей вины ее перед родными — не пишет, совсем забыла... И столько было у старушки веры и надежды, что «Васенька, ангел наш» (она как-то произносила: «аньдели»), су-

добное не способно, на что оно вообще годится..

Не забыта была в предисловии и баня, с нее предисловие начиналось.

«Я легко и просто подчиняюсь правде беловских героев... Когда они разговаривают, слышу их интонации, знаю, почему молчат, если замолчали, порой — до иллюзии — вдруг пахнет на тебя банным духом... «По всей бане так ароматы и пойдут!» — не много сказал вологодский расторопный мужик, а — вкусно сказал! Дальше он же добавил: «Зато и жили по девяносто годов». И вот — что тут случается? — вдруг мужиком становится каким-то родным, понятным, и уж нет никакого изумления перед мастерством писателя, а есть — Федулович, и, хочешь, говори с ним: «Да будет хвастать-то! — по девяносто годов». Так через одного по девяносто и жили?» Кинется небось доказывать, что жили! А хочешь, следи дальше, как он на полке разворачивается: «Кха! Едрена Олена!.. В такую бы баньку да потолстее Параньку. А ты, Митрей, полезай повыше, на полу какой скус?» Я невольно улыбаюсь...»

Да, Шукшин держался в Тимонихе сдержанно. «Сидит на лавке, молчит, молчит. Думаешь, — как отметила Анфиса Ивановна.

Но по внутренней сосредоточенности, по беспощадности сердечной работы осенние дни 1969 года, вероятно, относятся к числу самых напряженных в его жизни.

То, что Белов полгода живет в Вологде, а полгода — в родной деревне, прежде казалось Шукшину чудачеством, упрямством, желанием кому-то доказать: мол, я имею право писать о деревне, поскольку там живу. Еще в поезде он позволял себе лукаво усмехнуться: ну-ну, поглядим, как это писатели по медвежьим углам хоронятся. Конечно, столичная стихия — лите-

только движение пера, это прежде всего поведение. Какого балла заслуживает он по поведению?..

Были у Шукшина и еще поездки на родину Белова. Одна даже зимняя. Прожили они тогда с Заболоцким у Василия Ивановича сколо месяца. Сами печь топили, сами кашеварили: Анфиса Ивановна в отлучке находилась.

«Зимой в деревне благодать. Тихо-тихо. Тишина, аж уши ломит! Трактор появится, так мы все трое к окнам липнем: кто едет? — вспоминает Заболоцкий. — Макарыч с Василием Ивановичем постоянно спорили, ссорились даже, они по-разному оценивали роль Разина в отечественной истории. Белов полагал, что Шукшин склонен к преувеличению. Василий Макарович отстаивал свой взгляд на донского казака...»

Белов часто сердился на Шукшина:

— Зачем тебе три кареты: кино, актерство и литература? Куда тебе столько? Не выдержишь! Бросай-ка кино. В литературе от тебя больше пользы будет.

Договорились до того, что Белов собрался покупать для Шукшина в Тимонихе дом. Макарыч просил погодить — надо, мол, сперва в Сростках погостить, с родиной посоветоваться».

Он еще тогда, пожалуй, твердо не решил, пригосен ли для него опыт Белова.

По окончании Литературного института и возвращении в 1964 году в Тимонику Белов много и плодотворно работает. Воистину, точно обессиленный былинный богатырь, припал он к родной земле и получил от нее невиданную силу. Вологодский поэт Александр Романов рассказывает: «...мне однажды говорит: «Поеду к себе в Тимонику, надо написать повесть, пусть меня не беспокоят». Уехал и через ме-